

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЧПУ»)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ
ЯЗЫКУ

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ
СТИХОТВОРЕНИЙ-МОЛИТВ И НАСТАВЛЕНИЙ З. Н. ГИППИУС

Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.03.05 Педагогическое образование
Профиль: Русский язык. Литература

Выполнила:
Студентка группы 502
Лебедева Т.А.

Научный руководитель:
д.ф.н., доцент
Казачук И.Г.

Работа рекомендована к защите
«__»_____ 2016 г.
Зав. кафедрой русского языка и МОРЯ
Д.ф.н., доцент Глухих Н.В._____

Челябинск
2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические основы изучения языковых и стилистических особенностей жанра молитв и наставлений.....	6
1.1 Молитва и наставление как поэтический жанр.....	6
1.2 Языковые особенности жанра молитв и наставлений	11
Глава 2. Формы глагольных категорий в тексте стихотворений-молитв и наставлений З.Н.Гиппиус.....	16
2.1 Формы категории наклонения	16
2.2 Формы категории лица.....	27
2.3 Формы категории времени.....	32
2.4 Формы категории вида.....	39
2.5 Формы категории залога.....	40
2.6 Инфинитив.....	43
2.7 Процессуальные фразеологизмы.....	44
2.8 Причастия и деепричастия.....	44
Заключение.....	48
Библиографический список.....	51

Введение

Проблема жанра молитв и наставлений в творчестве Зинаиды Николаевны Гиппиус с точки зрения лингвистики, семантико-грамматических средств является актуальной для нашей дипломной работы, так как основой послужил малоизученный с точки зрения литературоведения и никем не исследованный с точки зрения лингвистики поэтический материал.

Начало творческого пути З.Н. Гиппиус совпало с началом серебряного века русской культуры (начало XIX века), отмеченным смешением различных литературных направлений, философских и религиозных течений. Как отмечал Н. Бердяев, «это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму». Искусству, в особенности музыке и поэзии, в это время отводилась особая роль в иррациональном познании мира, прозрении подлинной сути бытия. В такой атмосфере и появились стихи З.Н. Гиппиус, которые были «отмечены неповторимым клеймом автора, знаком его поэтической индивидуальности», делающей понятие «поэзия Зинаиды Гиппиус» совершенно конкретным, сразу вызывающим» [6]. Художественный мир поэтессы наделен своими законами, своими внешними формами, своей логикой, географией и своим течением времени.

Объект исследования – процессуальные единицы как жанрообразующие элементы стихотворений-молитв и наставлений З.Н. Гиппиус.

Предмет исследования – семантические и грамматические свойства процессуальных единиц.

Цель нашей работы – изучить особенности употребления процессуальных единиц как жанрообразующих элементов стихотворений-молитв и наставлений З.Н. Гиппиус.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- изучить научную литературу по теме исследования;
- составить картотеку процессуальных единиц, которые будут подвержены анализу;
- выявить семантику и грамматические свойства процессуальных единиц.

Методы исследования: описательный; количественно-симптоматический метод.

Описательный метод использовался в виде комментария из текста молитв, наставлений. При работе с процессуальными единицами как жанрообразующими элементами мы применяли количественно-симптоматический метод: использовали количественные данные, полученные при анализе стихотворного материала.

В ходе наблюдения над текстами молитв и наставлений (всего было проработано 22 текста) была проведена выборка и сделаны карточки (250) в качестве языкового материала для дальнейших исследований, анализов и обобщений.

Структура работы включает введение, две главы и заключение. В первой главе обозначены теоретические основы изучения языковых и стилистических особенностей жанра молитв и наставлений. Вторая глава посвящена изучению форм глагольных категорий в тексте стихотворений-молитв и наставлений З.Н. Гиппиус, рассматриваются формы категории наклонения, лица, вида и залога.

Глава I. Теоретические основы изучения языковых и стилистических особенностей жанра молитв и наставлений

1.1 Молитва и наставление как поэтический жанр

«Молитва – сакральный жанр, восходящий к древней гимнической традиции» [32].

Молитва – это один из древнейших речевых жанров, ставший литературным уже в первобытном фольклоре (заклинания духов). Поэтому под молитвой понимается всякое, в частности и вербальное, обращение к объекту, который осознается как сакральный, т.е. обладающий сверхъестественной сущностью.

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой молитва толкуется как «1. В религии: установленный канонический текст, произносимый при обращении к Богу, к святым. 2. Моление, обращенное к Богу, к святым» [21].

Таким образом, можем сказать, что молитва – это, прежде всего, проявление любви к Богу, так как все способности человеческой души через молитву сознательно и актуально обращаются к Богу и соединяются с ним. Словом «молитва» определяют особое духовное состояние человека. Сложно дать однозначное определение этому феномену духовной жизни.

В энциклопедии «Христианство» дается следующее определение, основанное на противопоставлении земной (телесной) и небесной (духовной) жизни: молитва является «вместилищем всей духовной жизни или самой духовной жизнью в движении и действии» [24; 142]. Это определение даёт четкое представление о молитвенном событии в жизни верующего.

В Библейской энциклопедии молитва толкуется как «возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом человека к Богу» [4]. По словам Святого Иоанна Златоуста: «Молитва – это определенный якорь для тех, кому угрожает опасность; это сокровище, которое способно обогатить и

излечить физически». Молитва – это зов, который настраивает думать, что кто-то отозвался или вот-вот готов отозваться.

Во всякой молитве, согласно канону этого жанра, после призыва к божеству и превознесения его могущества следует просьба молящегося (которая составляет основное содержание молитвы), подкрепленная обетом в случае ее исполнения. В то же время молитва, как и исповедь, предполагает «установку молящегося... на духовное преображение или преображение окружающего мира в процессе богообщения» [3; 17].

Поэтическая молитва многое взяла от канонической: содержание, состояние лирического героя, адресация, деление на жанры, поэтические приемы. Начиная с XVIII века, создаются «молитвы» с ориентацией на сакральный жанр: цикл «Молитв» А.П. Сумарокова (вторая половина XVIII в.); «Молитва о дожде» (1793) Н.М. Карамзина; «Супружняя молитва» (1803), «Две молитвы» (1826) И.И. Дмитриева; «Молитва воина» В.К. Кюхельбекера (конец 1810-х или начало 1820-х гг.), «Молитва» и «Молитва узника» (перв. полов 1830-х гг.); «Моя молитва» (1827) Д.В. Веневитинова; «Молитва» (1825) и «Молитва» (1835) Н.М. Языкова; три «Молитвы» (1829, 1837, 1839), «Моя мольба» (1830) и «Юнкерская молитва» (1833) М.Ю. Лермонтова; «Молитва» (1836) А.В. Кольцова; «Моя молитва» (не позднее 1833), «Молитва» (1839) И.И. Козлова; «Молитва» (1839) В.И. Красова; «Моя молитва» (1838) Н.П.Огарева; «Молитва» (1840-е гг.) Е.А. Баратынского; «Молитва» (1840-е) Ап. Григорьева; «Молитва Ангелу-Хранителю» (1840), «Чем доле я живу, чем больше пережил» (между 1874 и 1886 г.) А.А. Фета; «Пошли, Господь, свою отраду» (1850) Ф.И. Тютчева. Это и «Молитва души» (1823) Ф.Н. Глинки, который известен больше как поэт-декабрист, автор романсов «Сон русского на чужбине» и «Не слышно шуму городского...». Молитва для него всегда была важным способом духовного самосовершенствования: «К Тебе, мой Бог, спешу с молитвой: / Я жизнью утомлён, как битвой! / Куда своё мне сердце деть? / Везде зазыв страстей лукавых; / И в чашах золотых – отравы, / И под травой душистой – сеть. /

Там люди строят мне напасти; / А тут в груди бунтуют страсти! / Разбит мой щит, копьё в куски, / И нет охранной мне руки!» [30].

Молитвенная проблематика в творчестве Ф.И. Тютчева связана с осознанием поэтом духовной катастрофы мира. Молитва у поэта – единственное средство, способное очистить человека, приобщить к мировой гармонии. В стихах поэта слышится призыв к молитве, искренняя вера, стремление жить по закону Божьему, любовь к Православию и Родине. Издаётся множество работ, посвящённых проблеме религиозности сознания в творчестве А.С. Пушкина. В связи с этим внимание исследователей привлекает творчество поэта 1830-х годов, особенно богатое использованием церковнославянизмов и библейской образности. Молитва представлена в стихотворении «Отцы пустынники и жены непорочны...», которое включает в себя переложение Великопостной молитвы преп. Ефрема Сирина.

Во всех молитвах трансформируются излюбленные мотивы псалмов (от материальной просьбы: о благосостоянии, здоровье до духовной: о сохранении семьи и мудрости), или с помощью пейзажной детали и психологических подробностей индивидуализируется ситуация молитвы. Именно путем раскрытия интимно-духовных отношений личности к Богу – движется молитвенная лирика Анны Ахматовой: от подражаний и стилизаций к сложному сочетанию религиозно-мистических, нравственных, эмоциональных элементов, не отрываясь от традиционной формы изложения содержания: «Дай мне горькие годы недуга, / Задыханье, бессонницу, жар, / Отыми и ребёнка, и друга, / И таинственный песенный дар – / Так молюсь за твоей литургией / После стольких томительных дней, / Чтобы туча над тёмной Россией / Стала облаком в славе лучей» [24; 492]. В «Молитве» А. Ахматовой чувствуется страх за себя и своих близких, за Родину и за судьбу России. Такой же страх за жизнь мы видим в «Молитве» О. Мандельштама: «Помоги, господь, эту ночь прожить, / Я за жизнь боюсь: за свою рабу... / В Петербурге жить – словно спать в гробу». В христианской лирике Н.С. Гумилева – русского поэта и критика Серебряного века,

основателя акмеизма – есть стихи, заставляющие задуматься о Боге, о вечности, о своем ближнем: «Мечты Господни многооки, / Рука Дающего щедра, / И есть еще, как он, пророки – / Святые рыцари добра» [31].

В поэтическом творчестве З.Н. Гиппиус молитва всегда выражает непосредственное отношение автора к Богу с постоянным упоминанием имени Божьего. В ранней книге Мариэтты Шагинян, посвященной поэзии Гиппиус, в список стихотворений-молитв занесены следующие: «Молитва», «Стук», «Дорога», «Нескорбному Учителю», «Христу», «О другом», «Страх и Смерть», «Божья тварь», «Бранное кольцо», «Оправдание», «Возьми меня» и др. Молитва у поэтессы предстает как естественная и необходимая потребность души. Каждый человек, осознает он это или нет, стремится к молитве. В связи с этим в лирике Зинаиды Николаевны Гиппиус данный жанр и приобретает большое значение. Молитва может быть длинной или короткой, всего в несколько строк, но она всегда – диалог и зачастую даже спор с вечностью. И всегда в ней решаются коренные вопросы человеческого бытия. Молитвы З.Н. Гиппиус – это всегда соединение с сокровенным, но они всегда о человеке, о максимальной наполненности его бытия, о трагических противоречиях личности, о путях приближения к идеалу, о свободе и совести. Все молитвы поэтессы можно разделить на молитвы

- исповедь
- прошение
- заступничество
- экстатическое единение с Богом

З.Н. Гиппиус мечтала о гармонии в душе человека, в его межличностных и общественных отношениях, и искала пути примирения противоположных начал: добра и зла, любви и ненависти, временного и вечного и т.д. Её волновали глобальные вопросы человеческого бытия, ей хотелось приблизить человека к вершинам духовной жизни.

Жанр молитвы в лирике З.Н. Гиппиус соотносится с жанром наставления. Наставление – « 1.Назидательное, нравоучительное указание. 2. Инструкция» [21; 370]. Жанр наставления, как и жанр молитвы, является одним из древнейших жанров. Наставление (поучение) – это жанр, в котором древнерусские летописцы пытались представить модель поведения для любого древнерусского человека: и для простолюдина, и для князя. Самым ярким образцом этого жанра является «Поучение Владимира Мономаха». В «Повести временных лет» «Поучение Владимира Мономаха» датируется 1096 годом. В это время распри между князьями в битве за престол достигли апогея. В своем поучении Владимир Мономах дает советы о том, как следует организовывать свою жизнь. Он говорит, что нет необходимости искать спасения души в затворничестве. Служить Богу необходимо, помогая нуждающимся. Отправляясь на войну, следует молиться – Бог обязательно поможет. Эти слова Мономах подтверждает примером из своей жизни: он принимал участие во многих сражениях – и Бог его хранил. Мономах говорит о том, что следует посмотреть, как устроен мир природы, и стараться устраивать общественные отношения по образцу гармоничного мироустройства. Поучение Владимира Мономаха обращено к потомкам. В жанре наставления, в отличие от молитв, меняется характер адресата – это человек, обладающий меньшим знанием, чем автор. В связи с этими изменениями данная жанровая форма приобретает назидательный тон, публицистичность, утрачивает камерность, исповедальность, свойственные молитве. В жанре наставления от адресата ожидается реакция в виде немедленного свершения действия, такая особенность жанровой формы вполне соответствует немного высокомерной натуре З. Гиппиус. Таким образом, жанры молитвы и наставления отражают двойственность мироощущения поэта. Данные жанровые формы различаются коммуникативной направленностью и характером адресации.

1.2 Языковые особенности жанра молитв и наставлений

При изучении стихотворных молитв и наставлений следует учитывать, что это явления религиозно-эстетического порядка, стремящиеся приблизиться к постижению истины посредством выразительных средств языка. Таким образом, духовный потенциал богословия соединяется с культурными возможностями языка и литературы. С одной стороны, данные жанры могут быть рассмотрены как связь с великими идеями христианства, с другой – как жанр, с третьей – исследуется их язык как средство существования культурно-религиозных установок общества.

Самым богатым и разнообразным уровнем для анализа поэтического текста является лексический, при анализе которого, мы можем выделить один из доминирующих мотивов поэтических молитв – мотив прошения. Семантическая структура слова «молитва» связывает само понятие именно с просьбой; обыденное сознание воспринимает молитву, прежде всего, как просьбу к высшим силам. Это же мы видим и в лирике. Просьбы поэтов к Богу очень многообразны, на основании их анализа можно делать выводы о специфике религиозного чувства того или иного автора. Поэты нередко обращаются к Богу именно как творческие люди, прося у Него таланта и вдохновения. Характерен выбор адресата таких молитв. Хомяков в стихотворении «Видение» (1840) обращается к «владыке песнопений», «благодатному гению», «небесному другу и брату». По типу это стихотворение напоминает риторические молитвы к Музе, но фразеология явно подразумевает, что адресат имеет соответствие в христианских представлениях о небесных покровителях. Понять его суть поможет «Сонет» Веневитинова (1825): «К тебе, о чистый дух, источник вдохновенья, На крыльях любви несется мысль моя... / Но ты облек себя в завесу тайны вечной: / Напрасно силится мой дух к тебе парить. / Тебя читаю я во глубине сердечной, / И мне осталось надеяться, любить». Это явное обращение к «Святому Духу – третьей ипостаси христианского Бога, который в

романтических представлениях является источником творческого вдохновения» [28].

Еще один интересный мотив просительных молитв – просьба послать муки и страдания, которые толкуются как залог иных благ: «Молю святое Провиденье: / Оставь мне тягостные дни, / Но дай железное терпенье, / Но сердце мне окамени» (Языков «Молитва» 1825 г.); «Прими, Господь, моё хотенье! / О, жги меня, как я – свечу, / Но ниспошли освобожденье, / Твою любовь, Твоё спасенье – / Кому хочу» (З.Гиппиус «О другом» 1901 г.); Бенедиктов в «Молитве» 1839 г. просит ниспослать беды и лишения как компенсацию за прекрасный дар вдохновения. Для Ап. Григорьева («Молитва» 1845 г.) страдание души – это «источник покоя и мира». Для Тютчева в 1865 г. «жгучее страданье» рассеивает «мертвенность души» («Есть и в моем страдальческом застое...»). Вообще это характерная черта менталитета русского народа. Не случайно мотив подражания человека Христу в страдании часто звучит у православных.

В большинстве поэтических молитв предметом просьбы является сам лирический герой. Но нередко поэт молится за кого-то другого – близкого человека, или группу людей, или целый народ, или страну. Это можно считать особой разновидностью просительных молитв. Реже встречаются случаи, когда поэт молится за одного конкретного человека. Например, мужчина молится за близкую женщину: «Молитва» 1835 г. Языкова, «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою») Лермонтова, «Владычица Сиона, пред Тобою» Фета, «День православного Востока» Тютчева. Интересно, что Лермонтов и Фет посылают эту молитву не Богу, а Богородице-заступнице, полагая ее более восприимчивой к такой просьбе.

Из всех повторяющихся мотивов молитвы наиболее специфическим для обращения к божеству является мотив покаяния. В чистом виде он встречается редко, часто соединяется с жалобой. Таково стихотворение Ф.Глинки 2-й половины 1820-х годов «Несмысленность» – коллективное покаяние от лица всего человечества: «...Мы как мертвые стоим, / И, как

погибший, утопаем / В заботах странных, мелочных, / Великой вести не внимаем, / Угроз не слушаем Твоих» [11; 59]. Вся лирика А. Ахматовой пронизана мотивами покаяния: «Боже! Боже! Боже! / Как пред тобой я тяжко согрешила», «Прижимаю к сердцу крестик гладкий: / Боже, мир душе моей верни!», «Нам покаянные рубахи. / Нам со свечой идти и выть». Лирическая героиня уповает на милость Божию, на прощение.

Таким образом, мы можем сказать, что одной из строевых особенностей молитв и наставлений является форма диалога, выражающая неравноправные иерархические отношения между говорящим и адресатом. Это отражается и в подборе слов, и в приподнятой стилистике данных жанров, и в их звучании. К молитве человек, как правило, обращается в самые трудные моменты жизни, поэтому в таких стихотворениях царит атмосфера мрака, ненависти, тревоги, хаоса. Адресатом в молитвах и наставлениях выступает Бог, Божья воля, иногда Мать Божия. Именно они организуют онтологию молитвенных просьб: их динамика (терпение, прощение, молитва за родных, врагов и т.д.) показывает структуру христианских ценностей. Часто используются местоимения первого лица единственного числа «я», когда поэты говорят о себе, своей земной судьбе, реже – множественного числа «мы», тем самым показывая соборный характер диалога с Богом. Самая важная языковая особенность жанра молитв и наставлений – это область повелительного наклонения и звательный падеж имени, выполняющий в современном русском языке, функцию обращения. Любое стихотворение данных жанров содержит в себе какое-либо конкретное прошение-мольбу, которое будет передаваться через побудительные конструкции, доминантным способом выражения которых являются формы повелительного наклонения 2 лица единственного числа со значением просьбы: помоги, дай, пошли, сохрани, благослови, вдохни, сочетающиеся с абстрактными существительными и формами инфинитива, передающими качества, необходимые православному человеку (вера, терпение, сила, любовь) для перенесения испытаний (предательство,

унижение и позор). Употребление изобразительных средств помогает в раскрытии смысла молитв и наставлений. Поэтому используется большое количество эпитетов, метафор, а также встречается гипербола, метонимия, сравнение и т.д.

Тексты молитв и наставлений имеют также и синтаксические особенности, которые обусловлены различными экстралингвистическими факторами, связанными с психологией воздействия молитв и наставлений. Данные жанры можно приблизить к устно-разговорной речи. Отсюда широкое употребление обиходно-бытовой лексики и фразеологии, лексики эмоционально-экспрессивной, включая частицы и междометия, на уровне синтаксиса – употребление назывных предложений, обращений, вводных и вставных конструкций, уточняющих обособленных оборотов, большого количества восклицательных предложений с конечной формой императива: открой! Помоги! Сохрани! Пойми!, – которые подчеркивают трагичность описываемых событий. Редко встречаются вопросительные предложения, употребление которых связано с контактоустанавливающими целями молитв и наставлений. Такие предложения обращены к собеседнику с целью получения неизвестной говорящему информации: «Они Твои ли, Твое ль создание? / Иль вражьих плевел произрастанье?» [12; 138]. Предложения, используемые в текстах молитв и наставлений, по своему строению, как правило, простые. Их употребляемость связана с динамичностью и экспрессивностью данных жанров. Так же широко используются ряды однородных членов, которые служат для реализации одной из задач молитвы и наставления – высказать какую-либо просьбу, призвать к действию.

Большая выразительность заключена в поэтическом синтаксисе, который содержит различные способы экспрессивного выделения членов предложения через фигуры речи. В текстах молитв и наставлений они используются также и для выделения образа, основной мысли или объекта обращения молящегося. Наиболее распространенные фигуры речи: анафора,

инверсия, антитеза, лексический повтор, умолчание, риторический вопрос и восклицание.

Глава 2. Формы глагольных категорий в тексте стихотворений-молитв и наставлений З. Н. Гиппиус

2.1 Формы категории наклонения

Предметом нашего исследования являются семантические и грамматические свойства процессуальных единиц, к которым в первую очередь относится глагол, а также фразеологизмы, причастия и деепричастия. В данной работе более подробно нами будет рассмотрен глагол – как основная процессуальная единица.

Глагол из всех частей речи считается лингвистами самой сложной частью речи, это основной элемент морфологического уровня, организующий текстовое пространство, он очень важен в художественном произведении. Н. Толстой писал: ««Движение и его выражение – глагол – является основой языка. Найти верный глагол для фразы – это значит дать движение фразе» [27]. Глаголы «оживляют» текст, так как люди, события, образы предстают в действии, в динамике. У глагола может быть множество функций. М.Н. Кожина называет одним из специфических способов достижения образности «глагольное речеведение (или сюжетоведение)». Оно заключается в том, что писатель называет каждое движение героя (как тела, так души), изменение его состояния поэтапно. Этот способ позволяет читателю представить не статичную картинку, а почти фильм. В анализируемых стихотворениях-молитвах и наставлениях употребление глагола составляет – 88,4 %, причастий и деепричастий – 9,2 %, инфинитива – 1,6 %, фразеологических единиц – 0,8 %.

Категория наклонения занимает особое место в системе грамматических категорий глагола, она 1) указывает на отношение действия к реальной действительности, причем это отношение формулируется говорящим, исходит от него, говорящий одновременно может быть

носителем квалифицируемого действия; 2) выражает волю говорящего к совершению или не совершению действия. В.В.Виноградов о назначении наклонения в глагольной лексике: «Категория наклонения отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом. Она выражает оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи... Категория наклонения – это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, то есть обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемая говорящим лицом» [9; 452].

Категория наклонения организуется противопоставлением форм:

1. Изъявительное наклонение (реальное), в состав которого входят формы настоящего, прошедшего и будущего времени глаголов несовершенного вида и формы прошедшего и будущего времени глаголов совершенного вида;
2. Повелительное наклонение (имеет значение побуждения);
3. Условное (сослагательное) наклонение (имеет значение предположительности, возможности).

Повелительное и сослагательное наклонение по-другому называют нереальными (ирреальными), потому что они не связаны с категорией времени.

Повелительное наклонение

Повелительное наклонение – наиболее распространенная глагольная форма, способная выражать значение волеизъявления (побуждения). Форма повелительного наклонения, императива (лат. *imperativus* – повелительный), возникает и существует в жестких условиях: для него обязательна такая речевая ситуация, в которой говорящий устно или письменно выражает свою волю собеседнику, адресату (*Оставайся!*). В сочетании с отрицанием

обозначает побуждение к несовершению действия (*Не оставайся!*). «Эта адресованность действия есть главное слагаемое значения повелительного наклонения: обозначенное процессуальной единицей действие оценивается говорящим не как связанное с действительностью, но такое, к совершению которого говорящий побуждает собеседника, адресата, сопровождая свою волю определенной, побудительной интонацией» [29; 209].

Императивная ситуация имеет следующих участников:

- Каузатор (говорящий) – тот, кто побуждает;
- Адресат (слушающий) – тот, к кому обращено императивное высказывание;
- Каузируемый (исполнитель) – тот, кто должен исполнить побуждение.

Чаще всего адресат и каузируемый совпадают: исполнителем действия, названного повелительным наклонением, является адресат, то есть слушающий (2-е лицо). Такие формы называют *собственно императивом*, или *императивом 2-го лица (ед. и мн.ч.)*: *Люб-и! Пожалей! Верни-те! Отдай-те!*

Однако если исполнителем действия назначено 3-е лицо, то адресат не совпадает с каузируемым. В этом случае адресат выполняет роль посредника, который должен передать побуждение каузируемому, не являющемуся участником речевой ситуации: «*И пусть другой не перейдет невидимый порог*» Такие конструкции называют императивом 3-го лица (также *юссивом*).

Исполнителем действия может быть назначен слушающий вместе с говорящим: *Мама, конечно, училась со мною, но ей часто надоедало, и она говорила: «Володя, бросим книги, пойдем гулять, а?»* (З. Гиппиус). Такие конструкции называют *императивом 1-го лица множественного числа*, или *инклюзивным императивом*. Существуют также конструкции *1-го лица единственного числа*, обладающие общими с императивом свойствами.

Конструкция: частица давай, давайте + инфинитив глагола несовершенного вида: «Дай коснуться / Твоей одежды...» (З. Гиппиус).

В наших исследованных стихотворениях-молитвах и наставлениях большую часть составляют глаголы в форме 2 лица – 52 %, в форме 3 лица – 18,6 %, в форме 1 лица – 29, 4 %. В формах 2-го лица единственного и множественного числа значение волеизъявления проявляется как побуждение, обращенное к адресату – тому лицу, которое побуждается к действию (или нескольким лицам, а иногда и предметам).

Значение побуждения реализуется в речи в различных оттенках. Это может быть просьба, призыв, предписание, совет, увещание, мольба, наказ, уговор и т. п. Все эти оттенки определяются ситуацией речи, намерением и эмоциональным отношением говорящего. Важнейшим средством их выражения является интонация.

Помимо самой глагольной формы, в передачи различных вариантов побуждения участвуют разнообразные элементы модальности.

1. Одним из таких показателей является частица –ка, которая обычно смягчает побуждение, придавая ему оттенок интимности, фамильярности, разговорности. Например: принеси-ка, подай-ка, надень-ка, поедем-ка и др. При анализе стихотворений-молитв, наставлений З.Гиппиус этого показателя волеизъявления мы не обнаружили.
2. На выражение оттенков побуждения оказывает влияние присоединения к глагольной форме личного местоимения. Так, присоединение местоимения может усиливать экспрессию просьбы. Этого компонента нами обнаружено также не было.
3. Категорическое повеление, приказ в ряде случаев передается особым образом – употреблением формы 2 лица единственного числа в значении множественного. Этого компонента при анализе нами обнаружено также не было.
4. При отрицании формы повелительного наклонения второго лица могут приобретать значения запрещения или предупреждения. При этом формы

совершенного вида чаще передают предостережение, а формы несовершенного вида – запрет:

Не говори с людьми,
Не подымай с души покрыва,..

Пусть я жалею и пойму –
Любви и жалости не верь,
Не открывай святую дверь...[12; 352]

Формы совершенного вида с отрицанием в стихотворениях-молитвах, наставлениях у З.Гиппиус не встречаются.

Вопрос об оттенках значения, выраженных глаголами в форме повелительного наклонения, является одним из главных в анализе процессуальных единиц. Оттенки значения волеизъявления многочисленны и разнообразны. Проанализировав формы повелительного наклонения глаголов в стихотворениях-молитвах, наставлениях З.Н. Гиппиус, их количество составляет 43 %, мы выделили наиболее частные значения:

- просьба;
- наказ;
- мольба;
- призыв;
- запрещение.

Для жанра молитв доминирующей семой является – сема мольбы 48%, затем призыва 26%, просьбы 14% и наказа 12%; для жанра наставлений – сема наказа 68% и запрещения 32%. Данные значения актуализируются в стихотворных молитвах и наставлениях императивным характером просьб, обращенных к Божественному адресату, «сиюминутностью» молитвенного события, стремлением к объяснению мировых противоречий и обретению ощущения умиротворенности, что и становится установкой молящегося.

Рассмотрим на примерах функционирование всех выделенных нами оттенков значений волеизъявления.

Значение мольбы:

Открой мне, Боже, *открой* людей!
Они Твои ли, Твое ль создание,
Иль вражьих плевел произрастанье?
Открой мне, Боже, *открой* людей! [12; 36]

Сжался, о Боже, над слабостью
Сердца, Тобой сотворенного,
Над бесконечною слабостью
Сердца, стыдом утомленного. [12; 54]

Ни воли, ни умелости,
Друзья мне – как враги...
Моей безмерной смелости,
Господь, *о помощи!* [12; 135]

О Господь мой и Бог! *Пожалей, успокой,*
Мы так слабы и наги.
Дай мне *сил* перед Ней, чистоты пред Тобой
И пред жизнью – отваги... [12; 23]

Значение призыва:

Я верю – в Оправдание...
Люби меня, *зови!*
Сожги мое страдание
В огне Твоей Любви!

Ни твердости, ни нежности...
Ни бодрости в пути...

Господь, мои мятежности
И дерзость *освяти!* [12; 135]

Открой мне, Боже, *открой* людей!
Они Твои ли, Твое ль создание,
Иль вражьих плевел произрастанье?
Открой мне, Боже, *открой* людей! [12; 138]

Значение просьбы:

Я в слабости, я в тленности
Стою перед Тобой.
Во всей несовершенности
Прими меня, *укрой.* [12; 135]

Молюсь я в часы ночные.
Дай мне еще *увидеть*
Родную мою Россию. [12; 379]

Когда восстанет наша плоть
В Твоем суде, для воздаянья,
О, *отпусти* ему, Господь,
Его безумство – за страданье. [12; 98]

И зажигаю пред Тобой
Мою свечу.
Господь. Отец. *Спаси, укрой* –
Кого хочу. [12; 83]

Значение наказа (представлено в количественном отношении 1 значение):

Так *подними* же, Неведомый,
Дух Твой, Тобою униженный,.. [12; 54]

Значение наказа в наставлениях:

Молчи. Молчи. Не говори с людьми,
Не подымай с души покров,
Все люди на земле – *Пойми! Пойми!* –
Ни одного не стоят слова. [12; 352]

Значение запрещения в наставлениях:

Любви и жалости *не верь*,
Не открывай святую дверь, [12; 215]

Формы 2-го лица повелительного наклонения выражают побуждение к действию без указания на его осуществление собеседником.

Таким образом, можем сделать вывод, что повелительное наклонение, выражая требование, побуждение к действию, представляет собой экспрессивную форму, которой выражается отношение говорящего к исполнителю действия. По этому признаку оно противостоит изъявительному и сослагательному (условному) наклонениям, которые не являются сами по себе формами волеизъявления. Как экспрессивная форма повелительное наклонение характеризуется побудительной интонацией, которая содержится в семантике процессуальных единиц. Повелительное наклонение, использованное в стихотворениях-молитвах, выражает более мягкое обращение к собеседнику, чем в наставлениях:

О Господь мой и Бог! *Пожалей, успокой*,

Мы так слабы и наги.

Дай мне сил перед Ней, чистоты пред Тобой

И пред жизнью – отваги... [12; 23]

Таись, стыдись страданья твоего,
Иди – и *проходи* спокойно. [12; 352]

В русском языке повелительное наклонение может образовываться синтетически: изменением формы или добавлением аффикса –те, нулевого суффикса и суффикса –и- :

И в час победы – *возьм-и* меня.

Возьм-и, о, жизни моей Властитель,

В Твое сиянье, в Твою обитель,

В Твое забвенье *возьм-и* меня!

и аналитически: с помощью частиц «пусть», «пускай», «да», «давай/давайте»:

«*О, пусть будет то, чего не бывает, / Никогда не бывает*»

«*Пусть, как и я, страдает!*»

Эта форма наклонения придает побуждению оттенки согласия, пожелания, которые в большей степени характерны для наставлений.

Изъявительное наклонение

Основным значением этого наклонения является выражение реального действия. Формой изъявительного наклонения, индикативом (от лат. *indikativus* – изъяснительный) охватываются процессуальные единицы личной формы, которые обозначают действия, оцененные говорящим как реально связанные с действительностью. В формах изъявительного наклонения выражается вся деятельность человека: эмоциональная, физическая, психическая, рациональная, все отношения человека к человеку, человека к обществу, общества к обществу и т.п. Образами форм изъявительного наклонения выражаются сознательность, осознанность, целеустремленность, направленность, сосредоточенность, напряженность, творческий или разрушительный характер деятельности, ее доброжелательность или недоброжелательность. Эти и многие другие

образы действий выражаются формами настоящего и прошедшего времени в сочетании с наречиями образа, способа действия:

Весь день – *работаю без дум,*
С однообразной неизменностью,
И *убиваю* гордый ум
Тупой и ласковой смиренностью. [12; 81]

Разрушительный характер деятельности, духовное истощение.

Я *храню* восковую свечу,
я снова ее *зажгу,*
и *буду молиться* снова... [12; 227]

Показана целеустремленность лирической героини.

Широкий круг модальных значений выражается формами будущего времени, которое не имеет своих временных частных значений: значение обязательности, неизбежности, уверенности, неуверенности, возможности и невозможности, сочетающихся с отрицательными лексическими и фразеологическими частицами.

Я *услышу* холодное веянье крыл...

Я *не вынесу* муки. [12; 23]

(Выражение неизбежности)

Вместе *воскреснем,* за гранью таинственной,

Вместе, – и ты, и я! [12; 248]

(выражение уверенности)

Блажен, кто от людей

Свои печали *вольно скроет.* [12; 352]

(выражение уверенности)

Также лексема может быть средством выражения и волеизъявления. В этом случае изъявительное наклонение выступает как текстуальная

категория. В стихотворениях-молитвах (в наставлениях таких лексем нет) нами было обнаружено только три подобных формы:

а) форма изъявительного наклонения выражает значение мольбы:

За дьявола Тебя *молю*,

Господь! И он – Твоё создание! [12; 98]

Глагол молить имеет значение – страстно просить, умолять.

б) форма изъявительного наклонения реализует частное значение просьбы, основанное на индивидуальном лексическом значении глаголов:

Я не о всех *прошу*, о Боже,

Но лишь о том,

Чьё спасение дороже... [12; 83]

Господь. Отец.

Мое начало. Мой конец.

Тебя, в Ком Сын, Тебя, Кто в Сыне,

Во имя Сына *прошу* я ныне... [12; 83]

Глагол просить имеет значение – обращаться к кому-нибудь с просьбой о чем-нибудь.

Сослагательное наклонение

Общее значение форм сослагательного наклонения заключается в признаке предположительности, возможности действия. Это значение проявляется в нескольких частных значениях-вариантах, обусловленных синтаксической конструкцией предложения и контекстом.

Выделяю две синтаксически обусловленные разновидности сослагательного наклонения: «а) сослагательное наклонение в независимом предложении и б) сослагательное наклонение в придаточной части сложноподчиненного предложения» [7; 130].

В независимом предложении форма сослагательного наклонения выражает предположительность или предположительность в сочетании с

различными оттенками желания. Также форма сослагательного наклонения может употребляться для выражения побуждения. В этом случае данная форма будет в переносном значении, близком к семантике повелительного наклонения, как текстуальная категория. И эта грань условная.

В придаточной части сложноподчиненного предложения форма сослагательного наклонения наряду с модальной функцией выражения предположительности может выполнять синтаксическую функцию выражения подчинительных связей.

Из всех проанализированных двадцати двух стихотворений-молитв и наставлений З.Гиппиус, нами было обнаружено всего одно стихотворение с употреблением сослагательного наклонения:

О, если *б* и они *желали*,
Как я - любили... мы теперь
Все трое вместе *бы стучали*
Последней ночью в эту дверь. [12; 111]

В данном четверостишии форма сослагательного наклонения используется и в придаточной части сложноподчиненного предложения, с придаточным условием, и в главной части для выражения мольбы, показывает отрешенность лирической героини от окружающих.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что в стихотворениях-молитвах, наставлениях З.Гиппиус формы глагола в изъявительном и сослагательном наклонении, реализующие значение воли человека, встречаются крайне редко, следовательно, являются малопродуктивными языковыми единицами для выражения данного значения. А формы глаголов повелительного наклонения являются основными жанрообразующими элементами стихотворений-молитв и наставлений З.Н. Гиппиус.

2.2 Формы категории лица

В глаголах и процессуальных фразеологизмах термином лицо обозначается предмет, который является источником действия, он изображается как личный деятель. Важно, что любое по семантическим признакам существительное и любое личное местоимение становится обозначением деятеля только в форме Им. п., только в сочетании с глаголом сказуемым и изображается специальными формами процессуальных единиц как личный деятель:

Вместо елочной, восковой свечи,
бродят белые прожекторов *лучи*,
сверкают сизые стальные *мечи*,
вместо елочной, восковой свечи. [12; 227]

Субъекты действия выражены существительными *лучи*, *мечи*.

Лицо по средствам выражения, по значению и по условиям употребления является грамматическим лицом.

Лицо – не общеглагольная категория, оно характерно только для одного типа форм. Именно лицо превращает глаголы и процессуальные фразеологизмы в такие единицы, которые обозначают свойства материи, протяженные во времени, только лицо обозначает свойства материи; лицо представляет материю движущейся.

Лицо – категория качественной определенности. При помощи этой категории выражаются разнообразные свойства живой и неживой материи (глаголы летит, стоит, лежит, плывет, скачет, колышется, зреет, светит – обозначают свойства живого существа и предмета неживой природы).

Главным средством выражения лица является флексия. Если при личных формах употребляются существительные и местоимения, то их надо рассматривать как дополнительные, добавочные средства выражения лица. У глагола, употребленного в форме прошедшего времени или условного

наклонения, лицо выражается аналитически – глагольная форма с суффиксом - л сочетается с именем в Им. п. Причем имя в таких сочетаниях является главным и единственным средством выражения лица. Ср.: я (ты, он) писал; мы (вы, они) писали.

Категория лица представляет собой совокупность трех форм единственного и множественного числа. Формы лица между собой соотносятся как противопоставленные, потому что за каждой формой единственного и множественного числа закреплен определенный круг грамматических значений, не тождественный кругу значений другой формы, а отличный от этого круга. Формы 1-го лица по внешнему признаку и грамматическому значению противопоставлены формам и значению 2-го и 3-го лица, а эти последние противопоставлены друг другу и форме 1-го лица.

Формы лица могут употребляться не в своем значении, а в значении другой формы. Особенно это характерно для форм 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа.

Глаголы, как и процессуальные фразеологизмы, могут не иметь полного набора личных форм. У некоторых глаголов отсутствуют формы 1-го лица ед. числа потому, что такие формы неблагозвучны (бдеть, стонать, победить); формы 1-го и 2-го лица единственного числа отсутствуют у некоторых глаголов, заканчивающихся аффиксом –ся (коверкаться, транспортироваться, калиться и др.).

Особенности связи процессуальных единиц с категорией лица:

1. Глаголы и процессуальные фразеологизмы, обозначающие действие (состояния, движения, перемещения в пространстве и т.п. человека), имеют полный набор личных форм единственного и множественного числа.

2. Глаголы и процессуальные фразеологизмы, обозначающие действия, процессы, состояния и т.п. живых существ и предметов неживой природы, имеют только форму 3-го лица единственного и множественного числа.

3. Глаголы и процессуальные фразеологизмы, обозначающие действия, состояния, процессы, совершающиеся как бы сами собой, имеют только форму 3-го лица единственного числа.

4. Процессуальные фразеологизмы могут не употребляться в формах 1-го, 2-го лица, если этому препятствует фразеологическое значение.

Значение лица процессуальных единиц

Лицо, как всякая грамматическая категория, имеет систему значений. Первое, самое общее, – значение категории. Им является значение субъекта, источника действия. Менее обобщенным является значение форм 1-го, 2-го, 3-го лица. 1 лицо ед. числа – субъектом действия является сам говорящий. 2 лицо ед. числа – субъектом действия является собеседник, адресат. 3 лицо ед. числа – субъектом действия является лицо или предмет, не связанные с речевой ситуацией. Формы мн. числа тоже различаются значениями. Формы 1-го лица мн. числа имеют значение «я и другие»; формы 2-го лица мн. числа – «ты и другие»; формы 3-го лица мн. числа – «он, -а, -о и другие». И наконец, каждая форма ед. и мн. числа имеет свои частные значения. Кроме того, значения личных форм делятся на типы в зависимости от количественной характеристики субъекта, от наличия его или постепенного формального устранения.

Различающиеся в глаголах и процессуальных фразеологизмах формы 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. числа имеют четыре основных, отчетливо различающихся типа значений и один переходный от личных значений к безличному.

Определенно-личное значение имеют формы всех лиц и обоих чисел. Причем действие, обозначенное глаголами 1-го и 2-го лица, относится к участникам беседы, говорящему и слушателю, формой 3-го обозначается действия лица или живого существа, процессы, состояния, свойства предметов неживой природы. Отличительным признаком определенно-

личного значения является конкретный, определенный характер субъекта, выраженного местоимениями или существительными в формах любого числа, наличие такой речевой или контекстной ситуации, в которой действие, поступок, свойство соотносится только с данным, конкретным, определенным субъектом. Определенно-личное значение может сохраняться у глагола или процессуального фразеологизма и в тех случаях, когда субъект не выражен лексически, но однозначно определяется по речевой или контекстной ситуации и по форме глагола.

Неопределенно-личное значение глагола или процессуального фразеологизма обнаруживается и в такой речевой или контекстной ситуации, где действие, поступок, свойство оказывается характеристикой группового, коллективного деятеля- лица или одного лица из возможного их ограниченного множества. Такой деятель чаще всего лексически не выражается, и, таким образом, на нем не сосредоточивается внимание слушателя, читателя. Чаще всего неопределенно-личное значение глагола или фразеологизма выражается формами множественного числа 3-го лица.

Обобщенно-личное значение глагола или фразеологизма обнаруживается в такой ситуации, где действие, поступок, свойство относится к любому, каждому, всякому деятелю, ко всем и, таким образом, оказывается самым широким по охвату действующих лиц, часто лексически не выражаемых, самым обобщенным. Глаголы с обобщенно-личным значением употребляются в небольших по объему предложениях с определенной структурой, определенным набором членов предложения. Такие предложения называют лингвистическим термином пословицы. Обобщенно-личное значение получают глагольные формы всех лиц и чисел. В этом оно похоже на определенно-личное значение.

Устраненное значение получают только формы 3-го лица единственного числа настоящего или прошедшего времени. Устраненным считается деятель, который объективно существует, но неизвестен говорящему или преднамеренно не называется последним по каким-либо

причинам. В такой ситуации говорящий замечает лишь само действие, проявление неизвестного или неназываемого носителя свойства, деятеля. Глаголы с устраненным значением соотносятся с глаголами определенно-личного значения (сердце щемит – на сердце щемит). Устраненность деятеля ведет к его отрицанию в так называемых безличных глаголах.

Безличное значение, как и устраненное, получают только формы 3-го лица единственного числа настоящего, будущего и прошедшего времени среднего рода, обозначая действие, процесс или, очень часто, состояние, совершающееся как бы самостоятельно, независимо от деятеля, который в действительности является источником этого действия, состояния, носителем какого-то свойства, но названной формой представляется как невозможный, не существующий в природе. Безличность – это высшая степень устраненности. Формы 3-го лица единственного числа любой временной формы глагола или процессуального фразеологизма безличного значения могут быть соотносительными с такими же формами определенно-личного значения.

Обобщая выше сказанное, еще раз повторимся, что категория лица придает глаголу или процессуальному фразеологизму значение носителя, субъекта действия, состояния и т.д.

На основе этого нами были проанализированы все формы лица стихотворений-молитв, наставлений З.Гиппиус. Мы выявили следующее: в стихотворениях 2-е лицо становится основной формой значения повелительного наклонения (форма выражения волевого отношения говорящего к лицу), т.к. оно употребляется в обращении к определенному конкретному лицу или лицам, 1-е и 3-е лицо встречаются крайне редко:

Верни мне силу, отдай любовь.

Отдай ночные мои прозренья,

И трепет крыльев, и озаренья...

Отдай мне, Боже, мою любовь. [12; 138]

*Молчи. Молчи. Не говори с людьми,
Не подымай с души покрыва, [12; 352]*

Тебе я молюсь, о Отец!
Поддай мне голос, иль знак! [12; 65]

Господь. Отец. *Спаси, укрой –*
Кого хочу. [12; 83]

В анализируемых нами стихотворениях используется 2-е лицо, для которого функция императива является исходной и основной. Здесь мы видим прямое обращение к Богу, при этом поэтесса употребляет несколько имён – Он, Сотворивший, Отец и Господь.

Таким образом, можем сделать вывод, что категория лица является жанрообразующим элементом стихотворений-молитв и наставлений З.Гиппиус.

2.3 Категория времени

В Большом толковом словаре современного русского языка Д.Н. Ушакова дается девять трактовок времени:

1. только ед. Длительность бытия (филос.). Пространство и время – основные формы бытия.
2. только ед. Определенный, известный момент. Со времени подачи заявления прошел месяц.
3. (мн. ч. может употр. и в знач. ед.). Эпоха, период. Во все времена. Четыре времени года.
4. только ед. Пора дня, года. Вечернее время. Зимнее время.
5. только ед. Более или менее длительная совокупность дней, часов (разг.). Делу время, потехе час.
6. только ед. Благоприятная пора, подходящий момент, удобный случай. Мне время тлеть, тебе цвести (Пушкин).
7. только ед. Досуг, свободное время. У меня нет времени.
8. Форма глагола, посредством которой действие или состояние представляется относящимся к настоящему, прошлому или

будущему (грам.). Настоящее в., прошедшее в., будущее в. 9. На состязании – длительность бега, езды и т. п. на определенную дистанцию (спорт).

Из девяти значений слова время два терминологических, философское и лингвистическое, остальные – общеупотребительные, с большим количеством семантических оттенков.

Время – тоже форма бытия материи, выражающая длительность ее существования, последовательность смены состояний в изменении и развитии всех материальных систем. Пространство и время неразрывно связаны между собой, их единство проявляется в движении и развитии материи:

- ✓ время существования каждого конкретного объекта конечно и прерывно, так как любой объект имеет начало и конец существования;
- ✓ время одномерно, асимметрично, необратимо и направлено всегда от прошлого к будущему;
- ✓ «специфическими свойствами времени являются конкретные периоды существования тел от возникновения до перехода в качественно иные формы; одновременность событий, которая всегда относительна; ритм процессов, скорость изменения состояний, темпы развития, временные отношения между различными циклами в структуре систем» [29; 128].

Время органично связано не только с пространством, но и с движением, об этом свидетельствует, прежде всего, сама длительности, присущая обеим универсальным семантическим категориям. Очень ярко связь времени и движения проявляется в глаголах семантических категорий действия, становления и отношения и менее ярко в глаголах категории бытия и чувства. На связь с движением указывают временные и видовые формы глаголов. Так, формы настоящего несовершенного вида обозначают длящиеся во времени действия. Отрезок времени, в течение которого происходит действие, является точкой в едином, неделимом времени, даже если этот отрезок длится не часы, дни, а годы, десятилетия, столетия, тысячелетия. Глаголы прошедшего и будущего совершенного вида

обозначают только момент действия (сказал, увидел, нарисовал, ринется, споеет, ахнет).

Временные отношения в строе русского языка находят выражение в специальных формах глагола. Такое время называется грамматическим. Оно представляет собой одну из форм отражения в языке объективного, действительно существующего и неделимого времени в специальных глагольных формах настоящего, прошедшего, будущего.

Осуществление любого действия, процесса, состояния во времени рассматривается в морфологии с точки зрения говорящего. Таким образом, категория времени показывает отношение действия, состояния, процесса, выраженного глаголом, к моменту речи. Итак, охарактеризуем все три формы времени через соотнесенность к моменту речи.

Формы настоящего времени в своем основном грамматическом значении показывают, что действие, выраженное глаголом, протекает в момент речи:

Я слышу только шелест крыл

И голос, – легкий, как прохлада. [12; 111]

Слуховое восприятие шелеста крыльев и голоса (слышу), происходит в то, самое время, когда поэтесса говорит об этом.

Формы прошедшего времени обозначают действие, которое имело место до момента речи:

Как Семиону *увидеть*

Дал Ты Господь, Мессию, [12; 352]

Формы будущего времени передают действие, совершающееся после момента речи:

Блажен, кто от людей

Свои печали вольно *скроет*. [12; 352]

Категория глагольного времени очень тесно связана с категорией вида и наклонения. Связь с видом проявляется в том, что от видовой характеристики зависит способность глагола или процессуального фразеологизма иметь две или три формы времени.

Связь с наклонением проявляется в том, что только в формах изъявительного наклонения грамматическое время связано с реальным временем, в формах же сослагательного и повелительного наклонений такая связь отсутствует, эти две формы называются нереальными; сослагательное наклонение устремлено в прошлое, а повелительное – в будущее.

Как всякая грамматическая категория, время глагола представляет собой систему форм. За каждой формой закрепляется общее значение, формы настоящего и прошедшего времени имеют по несколько частных значений.

Способов выражения форм времени два – морфологический и аналитический. Морфологический способ проявляется во флективном и суффиксальном средствах, аналитический – в синтаксической модели, состоящей из глагола быть в форме будущего времени и инфинитива глагола несовершенного вида. Формы прошедшего времени имеют один определенный показатель – суффикс -л, который проходит через все родовые и числовые формы абсолютного большинства глаголов; не имеют этого показателя глаголы с основами на согласный з, с, р, г, к, х и только в форме мужского рода, во всех других формах появляется суффикс -л и после него родовые и числовые флексии (берег, берегла, берегло, берегли).

Значение форм времени

Формы настоящего времени имеют несколько основных значений:

1) выражают действие, совпадающее с моментом речи:

Бредут, как тени, на заре

По кельям братья молчаливые. [12; 81]

2) означают действие, совершающееся постоянно, в любое время; в предложениях с таким значением форм настоящего времени речь идет об общих закономерностях, постоянных связях, правилах и т.п.

3) значение определенного промежутка времени; на это значение в предложении может указывать обстоятельство времени – шесть лет, ровно год, три тысячи лет и т.п.

Форма настоящего времени может употребляться при изображении прошлого. И такое время называют настоящим историческое. Такое время используется в научно-популярных, публицистических, художественных текстах. Настоящее историческое является важнейшим стилистическим средством: при его помощи придается яркость, живость рассказу о прошлых событиях.

Формы прошедшего времени несовершенного вида имеют два временных значения:

- 1) прошедшее единичного действия, факта;
- 2) прошедшее обобщенного факта.

Формы прошедшего времени очень редко переносятся в план будущего или настоящего времени. В отдельных экспрессивно окрашенных контекстах возможно употребление формы прошедшего времени совершенного вида в значении будущего: «Если мы пойдем далее, то, не зная окрестностей, забредем бог знает куда и попадемся в руки казаков; тогда я неизбежно погиб» (М. Лермонтов «Вадим»). Погиб = погибну.

Формы будущего времени имеют только общее значение всей формы, а частных значений, не имеют, потому что обозначают действия, которых еще нет, но которые возможны, необходимы, обязательны после момента речи. Все значения – возможности, необходимости, обязательности и др. – являются, по сути, значениями форм изъявительного наклонения.

Значение форм времени фразеологизмов

Общие и частные грамматические значения временных форм фразеологизмов такие же, какие есть у временных форм глаголов. Грамматическое значение фразеологизма нужно указывать не только лишь по значению глагольного компонента. Потому что глагольный компонент в составе фразеологизма претерпевает качественные изменения, перестает быть словом со своим лексическим, групповым и субкатегориальным значением; он вместе с именным компонентом образует новое, отличное от грамматического значения свободного словосочетания, фразеологическое значение, которое входит в другую группу и другую субкатегорию. Обобщенность значения фразеологизма особенно отчетливо проявляется в формах настоящего времени, которые имеют значение настоящего постоянного или настоящего определенного промежутка времени (имеет успех, знают толк в чем-либо). Формы настоящего времени некоторых фразеологизмов могут иметь только значение, совпадающее с моментом речи (имею в виду что-либо, даю слово – 1. «клянусь», 2. «обещаю»). Однако фразеологизмы с глагольным компонентом могут не иметь или утратить процессуальную семантику, но сохранить способность изменять форму времени без обязательного для этой формы грамматического значения. Например: чего стоит (стоило) ему, ему – «трудно, тяжело»; ничего не стоит (стоило) – «совсем просто, легко».

Один из таких примеров, когда фразеологизмы с глагольным компонентом не имеют процессуальную семантику, мы находим и у З.Н. Гиппиус:

Все люди на земле – Пойми! Пойми! –

Ни одного не стоят слова.

Весь этот мир одной слезы твоей,

Да и ничьей слезы не стоит. [12; 352]

Устойчивые выражения «не стоит слова», «слезы не стоит» употребляются в наставлении, для того чтобы показать соотношения цели и средств её достижения.

Для жанра молитв и наставлений характерно проявление волеизъявления говорящего. И в большинстве случаев это мольба, просьба, призыв и т.п. Поэтому категория времени сближена с категорией наклонения. Только в формах изъявительного наклонения грамматическое время связано с реальным временем, в формах сослагательного и повелительного наклонений такая связь отсутствует. По смыслу ситуация, обозначаемая сослагательным наклонением, устремлена в прошлое:

О, если *б* и они *желали*,
Как я - любили... мы теперь
Все трое вместе *бы стучали*
Последней ночью в эту дверь. [12; 111]
Единичный случай.

Ситуация, обозначаемая императивом, по смыслу относится к будущему, так как говорящий побуждает адресата совершить (не совершать) действие, которое будет иметь место после момента речи:

Открой мне, Боже, *открой* людей!
Они Твои ли, Твое ль создание, [12; 138]

Ни воли, ни умелости,
Друзья мне – как враги...
Моей безмерной смелости,
Господь, о, *помоги!* [12; 135]

Императивное высказывание может также иметь своей целью побудить адресата продолжать совершать то действие, которое уже имеет место в момент речи:

Струись,

Струись,

Холодный ключ осенний. [12; 305]

В этом случае ситуация, обозначаемая императивом, все равно имеет референцию к будущему, так как побуждает к сохранению актуального статуса ситуации после момента речи.

Таким образом, можем сделать вывод, что категория времени является малопродуктивной формой как жанрообразующий элемент стихотворений-молитв, наставлений З.Н. Гиппиус.

2.4 Формы категория вида

Категория времени тесно связана не только с категорией наклонения, но и с категорией вида. Поэтому данные категории можно рассматривать в системе. В молитвах и наставлениях З.Гиппиус мы обнаружили большое преобладание формы настоящего несовершенного вида, которая обозначает длящиеся во времени действия: лучи бродят, стучу, кричу, не люблю, жалею, молю, дух воскресает и т.д. Эти действия могут происходить в системе вечность. Глаголы прошедшего и будущего совершенного вида обозначают только момент действия: послал, отпустил, дал, выбрали, примешь, простишь, воскреснем, зажгу, пойму. Но их у З.Гиппиус очень мало.

Основное значение формы несовершенного вида в императиве – начинательное: иди = пойдя, а не продолжай идти, зови = начинай звать и т.д. В императиве, как и в будущем времени, несовершенный вид предполагает несинхронного наблюдателя.

Отрицательный императив образуется преимущественно от глаголов несовершенного вида: Не плачь! Не верь! Не открывай!

Превентивное значение, то есть побуждение не совершать какие-то действия, отрицательной формы императива характерно для глаголов

совершенного вида, обозначающих неконтролируемые или слабо контролируемые действия: *«Прощай, отче. В яму не свались!»* (З. Гиппиус)

Наиболее частотные императивы от глаголов совершенного вида с отрицанием – не забудь(те) и не подумай(те): *«А ты не можешь, ты не сумеешь... Все-таки не забудь»* (З.Н. Гиппиус)

2.5 Формы категории залога

Категория залога – это система грамматических форм глагола, устанавливающая отношение глагольного действия к подлежащему, которое может выступать и как субъект действия, и как объект [7; 150]. Особенность залога заключается в том, что им выражается действие, направленное на объект. Поэтому о залоге можно говорить в том случае, если глагольное слово по своему значению таково, что выражает отношения между субъектом действия и объектом. Если же глагол обозначает действие, состояние лица, которые не связаны с другим лицом или предметом, о залоге говорить нельзя, потому что его нет.

Условием существования залога считается семантическое свойство глагола обозначать действие, направленное на объект. Это семантическое свойство называется переходностью. Переходность выражается синтаксически – сочетанием глагола с именем в В. п. без предлога. Такие переходные глаголы называются объектными, а глаголы, обозначающие действие, не направленное на предмет, выраженный именем в В. п. без предлога, называются не переходными. Непереходные глаголы стоят вне залога. В.В. Виноградов в своей работе дает классическую трех форменную концепцию залога. По этой теории залог имеет три формы: «действительную, страдательную, возвратно-среднюю» [9; С. 476–511].

Каждому из трех залогов приписываются свои средства выражения. Действительный залог имеет синтаксическую модель переходный глагол +

винительный без предлога. Глагол в этой форме залога невозвратный. Страдательный залог может проявляться в одной из двух моделей: а) возвратный глагол + творительный без предлога действующего лица; б) краткое страдательное причастие + творительный без предлога действующего лица. Страдательный залог соотносительный с действительным или противопоставлен ему. Сравните: Наша команда *победила* противника – действительный залог. Противник *был побежден* нашей командой – страдательный залог. Возвратно-средний залог выражается возвратным глаголом, образованным от переходного глагола: катать – кататься, рвать – рваться, гнуть – гнуться, вспоминать – вспоминаться и т.п.

Возвратно-средний залог не имеет залоговой модели – у него нет объекта. Действие или состояние не переходит на другой предмет, а сосредотачивается в самом деятеле (субъекте): студент готовится к экзаменам, родители направляются на собрание, ученик собирается в школу.

Значения форм залога

За каждой формой залога закреплено грамматическое значение:

а) формы действительного залога имеют значение действия, прямонаправленного на объект. Эта «прямота» проявляется в том, что без объекта действие не может совершиться, обнаружиться, состояться. Это глубоко верное положение, касающееся сущности всей категории залога, а не только формы действительного залога.

Частными значениями форм действительного залога являются следующие:

1) объект создается действием – подать голос, принять боль, исполнить молитву;

2) объект может быть изменен действием – лечить больного, учить детей, обработать рану;

3) объект не испытывает никаких изменений: слушать молитву, рассматривать картину, помнить боль, любить Бога;

б) формы страдательного (пассивного) залога имеют своеобразное грамматическое значение состояния, которое испытывает объект со стороны реального субъекта, не обозначают активного действия.

в) общим значением возвратно-среднего залога считается значение сосредоточенности действия на самом производителе его. Частными грамматическими значениями объявляются словообразовательные значения, создаваемые постфиксом -ся, присоединяемым к переходным глаголам. Например, мириться – взаимно-возвратное частное значение; бодаться – активно-безобъектное значение; рваться, гнуться – пассивно-качественное; причесываться – собственно-возвратное; радоваться, катиться – общевозвратное значение и т.п.

В анализируемых нами молитвах и наставлениях З.Гиппиус было выявлено преобладание действительного залога как жанрообразующего («дай безмолвие», «отдай прозренья», «прими желания», «сожги страдание» и т.д.). Как было сказано выше, именно глагол в повелительном наклонении выражает побуждение к действию в виде приказа, совета, предостережения, просьбы, мольбы и т.п. Подлежащее в таких предложениях отсутствует. Просьба о действии, обозначенная переходным глаголом, направлена на прямой объект, выраженный формой винительного падежа без предлога:

Будь верен сердцу своему,

Храни его ключи. [12; 215]

Частное значение формы действительного залога – объект не испытывает никаких изменений.

Так *подними* же, Неведомый,

Дух Твой, Тобою униженный, [12; 54]

Господь, мои желания,

Желания прими!

Сожги мое страдание

В огне Твоей Любви! [12; 135]

Частное значение формы действительного залога – объект может быть изменен действием.

Действие в приведенных примерах направлено на прямой объект, без которого не может состояться тот или иной процесс.

2. 6 Инфинитив

Значение волеизъявления только при соответствующем интонационном оформлении способен выражать и **инфинитив**:

- категорическое приказание, запрет;
- смягченная просьба, увещание.

Конструкции дай + инфинитив в совершенном виде выражают просьбу, предложение говорящего допустить его к совершению действия, обозначенного формой инфинитива:

Прежнее дай мне безмолвие,

О, возврати меня вечности...

Дай погрузиться в безмолвие,

Дай отдохнуть в бесконечности!.. [12; 54]

Если нет на земле надежды –

То всё прах.

Дай коснуться Твоей одежды,

Забыть страх. [12; 79]

В обоих примерах используется смягченная просьба, побуждение к новому действию.

2.7 Процессуальные фразеологизмы

В форме повелительного наклонения оттенки значения волеизъявления реализуются и у **процессуальных фразеологизмов**.

Процессуальные фразеологизмы – это фразеологические единицы с общим значением действия, имеющие грамматические категории лица, времени, числа, залога, вида, иногда рода, выступающие в предложении в роли предиката. К ним относятся фразеологизмы следующих семантических типов: деятельность человека (сбиться с ног, дневать и ночевать); моральное или физическое состояние человека (висеть на волоске); отношения (держаться в черном теле); чувства, переживания, желания (развести руками, запастись в душу).

В ходе нашей работы над стихотворениями З.Н. Гиппиус мы вычленили две фразеологические единицы в форме повелительного наклонения. Фразеологизм «подай голос» и «подай знак» выражают в молитвах значение просьбы:

Но знаю: бессильных сердец

Еще неподвижной мрак.

Тебе я молюсь, о Отец!

Подай мне голос иль знак! [12; 65]

2. 8 Причастия и деепричастия

Причастие – это атрибутивная форма глагола (форма, в которой глагол выступает в качестве второстепенных членов предложения; причастия полной формы выполняют в предложении синтаксическую функцию согласованного определения, а страдательные причастия краткой формы –

роль именной части сказуемого), которой присущи признаки глагола и признаки имени прилагательного.

Причастие входит в систему форм глагола, в его неспрягаемые формы, поэтому оно утратило категории лица и наклонения, но сохранило обязательную связь с предметом как носителем признака (пахнущая трава, отцветшая яблоня) и способность выражать различные частные модальные значения (как бы не слышавший = как бы не слышал; не упавший = чуть не упал).

В причастии сохраняются общеглагольные категории вида, времени, залога, которыми выражается значение действия, процесса.

В причастии сохраняется свойство производящего глагола быть субъектным или объектным; причастие, образованное от объектного глагола, управляет именем в косвенном падеже.

Причастие в определенных условиях может утратить значение действия и развить значение предмета; зависимые категории рода, числа, падежа в связи с этим семантическим изменением превращаются в одноименные собственные категории; при этом, если обе такие единицы употребляются в языке одновременно, они находятся между собой в омонимических отношениях; если сохраняется только одна единица, она квалифицируется как транспозитивная, перешедшая в существительное:

Я – это Ты, о *Неведомый*,

Ты – в моем сердце, *Обиженный*, [12; 54]

И отдаю я душу смелую

Мое страданье *Сотворившему*.

Сказал Господь: «Одежду белую

Я посылаю – *победившему*» [12; 105]

Причастия в стихотворениях-молитвах, наставлениях З.Гиппиус встречаются очень редко. В работе над текстами поэтессы нами было обнаружено в качестве причастий всего 9 единиц («дух тобою униженный»,

«память страдающая», «земля разбуженная», «сорванный цветок» и т.д.). Как жанрообразующие элементы стихотворений-молитв и наставлений они малопродуктивны, но всё же, они содержат в себе семантику боли, внутренней дисгармонии, которая соответствует анализируемому жанру.

Например:

Сжался, о Боже, над слабостью
Сердца, Тобой *сотворенного*,
Над бесконечную слабость
Сердца, стыдом *утомленного* [12; 54]

Ласка *нежданная, утешающая*

Неутолимую боль,

Шелест, дыханье, память *страдающая*, [12; 248]

Так жизнь проходит и пройдет,

Благим сияньем *озаренная*, [12; 81]

Из анализируемых процессуальных единиц видно преобладание страдательных причастий над действительными. Действие не производится самим предметом, а обращено на предмет, выраженный определяемым именем существительным. Лицо, производящее действие, при таких причастиях выражается существительным в творительном падеже. Таким образом, лицо или предмет, определяемые причастием страдательного залога, выступают в качестве объектов, которые подвергаются действию со стороны какого-нибудь лица или предмета.

Деепричастие – вторая атрибутивная неспрягаемая глагольная форма, она обозначает дополнительное действие, сопутствующее действию, выраженному спрягаемой формой.

Деепричастие как глагольная форма сохранило все глагольные категории вида, залога, способность управлять именем и примыкать к себе

наречия, инфинитив. Деепричастие утратило категории лица, времени, наклонения.

В анализируемых молитвах и наставлениях нам встретилось всего три формы деепричастия:

Борясь и мучаясь, он сеть

Свою заботливо сплетает... [12; 98]

Охладевая, творю молитву,

Любви молитву едва творю... [12; 83]

В первом контексте деепричастия относятся к третьему лицу, а во втором – к лирической героине, которая верит в любовь, воспевает и творит ей молитву. Деепричастие «охладевая» вносит в данный контекст семантику смерти, внутренней стойкости своим принципам. Лирическая героиня до конца остается верна себе, своим убеждениям.

Таким образом, причастия и деепричастия являются малопродуктивными единицами в определении жанра молитв и наставлений.

Заключение

Молитва и наставление – это одни из древнейших речевых жанров, которые предполагают диалог, зачастую диалог с Богом. Самая важная языковая особенность жанра молитв и наставлений – это область повелительного наклонения и звательный падеж имени, выполняющий в современном русском языке, функцию обращения. Любое стихотворение данных жанров содержит в себе какое-либо конкретное прошение-мольбу, которое будет передаваться через побудительные конструкции, доминантным способом выражения которых являются формы повелительного наклонения 2 лица единственного числа со значением просьбы: «помоги», «дай», «пошли», «сохрани», «благослови», «вдохни», сочетающиеся с абстрактными существительными и формами инфинитива, передающими качества, необходимые каждому человеку (вера, терпение, сила, любовь) для перенесения испытаний (предательство, унижение, позор и т.п.). При этом молитвы касаются всех сфер жизни, как материальной, так и духовной: просьбы о здоровье, благосостоянии, сыновьях, сохранении семьи, мудрости и т.д. Поэтому мы можем сказать, что жанр молитв и наставлений в основном является выражением воли говорящего.

Значение волеизъявления подразделяется на три группы:

1. Мягкое побуждение;
2. Умеренное побуждение;
3. Жесткое побуждение.

В каждой из этих групп свои оттенки данного значения. Мягкое побуждение конкретизирует мольбу, просьбу, желание, разрешение, допущение; умеренное побуждение складывается из наказа, уговора, совета, рекомендации, приглашения; жесткое побуждение конкретизируется как запрещение, отказ или предостережение.

Значение волеизъявления в русском языке может выражаться двумя группами языковых средств: 1. Лексическими и фразеологическими

средствами, посредством основных лексем – глаголов, в текстах их количество составляет 46% от общего количества процессуальных единиц, а также причастиями и деепричастиями 9,2%, инфинитивом 1,6% и фразеологическими единицами 0,8%; 2. Грамматическими средствами, к которым относятся формы повелительного наклонения глаголов (43%), формы изъявительного (15%) и условного наклонения глаголов (1,2%), употребленных в значении повелительного наклонения, а также неопределенная форма глагола – инфинитив (0,6%) со значение волеизъявления.

Оттенки значения волеизъявления, выраженные глаголами в форме повелительного наклонения, многочисленны и разнообразны. Наиболее частые значения – это просьба, наказ, мольба и призыв. Для жанра молитвы доминирующей семой является – сема мольбы 48%, затем призыва 26%, просьбы 14% и наказа 12%, а для жанра наставлений – сема наказа 68% и запрещения 32%. Данные значения актуализируются в стихотворных молитвах и наставлениях императивным характером просьб, обращенных к Божественному адресату, «сиюминутностью» молитвенного события, стремлением к объяснению мировых противоречий и обретению ощущения умиротворенности, что и становится установкой молящегося.

Наиболее продуктивными грамматическими формами оказались формы повелительного наклонения, формы 2 лица (46%) единственного числа глагола и формы действительного залога, где просьба о действии направлена на прямой объект (В.п. без предлога), без которого не может состояться тот или иной процесс. Повелительное наклонение, выражая требование, побуждение к действию, представляет собой экспрессивную форму, которой выражается отношение говорящего к исполнителю действия. По этому признаку оно противостоит изъявительному и сослагательному (условному) наклонениям, которые не являются сами по себе формами волеизъявления. Только, выступая как текстуальные категории, они могут реализовать частное значение мольбы или просьбы. Второе лицо становится основной

формой значения повелительного наклонения, т.к. оно употребляется в обращении к определенному конкретному лицу или лицам, 1-е и 3-е лицо встречаются крайне редко. Формы категории времени, вида, а также причастия и деепричастия, инфинитив и процессуальные фразеологизмы являются малопродуктивными единицами жанра молитв и наставлений З.Н. Гиппиус.

Библиографический список:

1. Адамович Г.В. Одиночество и свобода: Литературно-критические статьи / Г.В. Адамович. – СПб., 1983. – С. 10–58.
2. Антология поэзии «серебряного века» / Авт. предисл. И.В. Банников // Рус. речь. 1994. – №4. – С. 29.
3. Афанасьева Э. М. «Молитва» в русской лирике XIX века / Э.М. Афанасьева // Рус. стихотворная «молитва» XIX века: Антология. – Томск, 2000. – С. 240.
4. Библейская энциклопедия: в 2-х книгах. Кн. 2. – М.: Центурион, АПС, 1991. – С. 292.
5. Богомолов Н.А. К истории первого сборника стихов З.Н. Гиппиус / Н.А. Богомолов, Н.В. Кострелев // Рус. лит. 1991. – №3. – С. 121–132.
6. Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века / Н.А. богомолов // Любовь – одна. Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица. – М., 1991. – С. 20.
7. Бондарко А.В. Русский глагол: пособие для студентов и учителей / А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин // под ред. проф. Ю.С. Маслова. – Л.: Просвещение, 1967. – 235 с.
8. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса / В.В. Виноградов. – М., 1958. – 400 с.
9. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
10. Виноградов С.И. Культура русской речи: учебник для вузов / С.И. Виноградов – М.: Изд-во группа НОРМА – ИНФА, 2006. – С. 249– 258.
11. Глинка Ф.Н. Избранные произведения / Ф.Н. Виноградов // Вступ. ст., подг. текста и примеч. В.Г. Базанова. Л.: 1957. – 350 с.
12. Гиппиус З. Лирика / З.Н. Гиппиус – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 416 с.

13. Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица / З. Гиппиус // Вступ. ст., подгот. текста, коммент. Н.А. Богомолова. – М.: Художественная литература, 1991. – 471 с.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль – М., 1978. – 2 т.
15. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка / А.А. Зализняк – М., 1977. – 880 с.
16. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова – М.: Наука, 1982. – 368 с.
17. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е.С. Кубрякова – М.: Наука, 1978. – 114 с.
18. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке: учеб. пособие для фил. фак. пед. ин-тов / П.А. Лекант – М.: Высшая школа, 1976. – 142с.
19. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.
20. Москвин В.П. Тропы и фигуры: параметры общей и частных классификаций / В.П. Москвин // Филологические науки. – 2002. – N 4. – С. 75–85
21. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. Яз., 1989. – 750 с.
22. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский – М., 7 изд-е, 1956. – 440 с.
23. Прияткина А.Ф. Осложненное простое предложение в современном русском языке / А.Ф. Прияткина – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
24. Русская литература. XX век: Большой учебный справочник для школьников и поступающих в вузы / Е.М. Болдырева, Н.Ю. Буровцева, Т.Г. Кучина и др. – М.: Дрофа, 2000. – 672 с.
25. Русский язык: энциклопедия / под ред. Ф.П. Филина. – М.: Сов. энцикл., 1979. – 432 с.

26. Современный русский язык. Анализ языковых единиц: учеб. пособие для пед. учеб. Заведений: в 3 ч. – Ч.1: Чеснокова Л.Д., Печникова В.С., Морфология / под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Просвещение, 1995. – 191 с.
27. Толстой А.Н. Собр. соч.: в 10 т. / А.Н. Толстой – М., 1961. – Т. 10 – С. 212.
28. Федотов Г.П. О Св. духе в природе и культуре / Г.П. Федотов // Вопросы литературы. – М., 1990. – № 2. – С. 36–58.
29. Чепасова А.М. Русский глагол: Учебно-практическое пособие для студ. филолог. фак-ов / А.М. Чепасова, И.Г. Казачук – Челябинск: Издательство ЧГПУ, 2000. – 364с.

Электронные ресурсы:

30. Глинка Ф.Н. Стихотворение «Молитва души» [Электронный ресурс] / Ф.Н. Глинка. – Электр. текст. дан. – Режим доступа: <http://er3ed.qrz.ru/glinka.htm#molitwa> (дата обращения: 5.04.2016)
31. Гумилев Н.С. Стихотворение «Пророки» [Электронный ресурс] – Электр. текст. дан. – Режим доступа: http://family-history.ru/dopmaterial/prilozh/poesia/gumilev-ns/gumilev-ns_1048.html (дата обращения 6.04.2016)
32. Ермоленко С. И. Анализ «Молитвы» (1829) М.Ю. Лермонтова [Электронный ресурс] / С.И. Ермоленко – Екатеринбург, 2013. С. 82–83. – Режим доступа: <file:///C:/Users/Администратор/Downloads/ne-obvinyay-menya-vse-silnyu-analiz-molitvy-1829-m-yu-lermontova.pdf> (дата обращения: 21.03.2016)